

Е. Г. Степанян

Егорушка

Повесть о художниках

© Е.Г. Степанян, 2019

Вступление

I

До того мы, Господи, пред Тобою грешны,
Что на белый свет поглядеть стыдно.

До чего же Тебе с нами трудно! –
А ведь вся земная твердь
У Тебя – что порошок.

Не хотим Тебе помочь,
Лишь грехи свои множим...
Закрываем глаза руками,
Чтобы Ангелов Твоих не видеть.
Горстка праха в руке
Всех чудес Твоих нам дороже.

Как печально на земле,
И как больно!
Плачут люди день-деньской,
И Ангелы плачут с ними.

Кто же плачущих Ангелов утешит?
Кто работу им даст
По плечу, по размаху крыльев,
Чтоб они в земной печали не скучали...

II

Снится бабочке, что она –
Седовласый Чжуан-мудрец,
Апельсиновой роще
Снятся приволжские степи...
Смуглоскулые люди гонят стада овец...

На край Вселенной
Ты можешь забросить меня,
И все равно найдешь,
И возвратишь в свои объятия.
Родимый! Кроме Тебя,
Ничего не хочу знать я.
Ты песнь моя,
Нескончаемое изумленье.
Не насытится слышаньем слух,
И глаз не насытится зреньем.

Часть первая

Глава I

Как во дни пугачевского бунта
Захотели калмыки бежать
От недоброй царской власти.
Погрузились в тысячи кибиток,
Устремились на Восток,
В страну, где царит правда.
Ах калмыки! На земле не найти правды.
Нет ее на Востоке
И на Западе тоже нету.

Как на кочках высоких, на ухабах
Задрожала, запрыгала кибитка –
Выпал из нее Егорушка-младенец.
Тотчас Ангелы Божии его подхватили,
Чтоб на землю упав,
Егорушка не ушибся,
Чтоб его колеса тяжелые не задели.

Принесли Егорушку Ангелы
В улус опустелый,
Нежили его, пели ему колыбельные песни.
Молоком поили,
Кормили медовой кашей.
Слаще ангельской пищи
Только ангельская ласка.

А тем часом прознали власти,
Что калмыки надумали искать правды.
Воспылали на них лютой злобой.
(В царстве лжи самое слово «правда» ненавистно).
Посылали в погоню за ними казаков,
Даже тут налгать изловчились:
– Как бы им, калмыкам,

В тех степях не потеряться.
Да и где же им еще найти счастье,
Ежели не под нашим игом?

...А как только приблизились к шатру казачьи кони,
Перестал Егорушка Ангелов видеть.
Испугался он, завопил,
Заплакал горько.
Да и скоро утешился –
Входят в шатер люди,
И глазам не верят:
По всему видать, что давно покинуто становье,
А в шатре сидит
Румяный круглощекий младенец,
И уже не плачет,
А тянет к ним ручонки.

Умилились Егорушке бородатые казаки,
Целовали его, прижимали к сердцу,
Порешили везти в Москву –
В воспитательный дом пристроить.
Там и кормить будут,
И научат, чему надо.

Добрались, наконец, до Москвы,
До Крестьянской заставы,
Сели в трактире, рядят да судят:
– На Москве сиротских домов,
Почитай, с десяток!
Как бы выбрать для него, голубчика, самый лучший,
Где не держат сироток впроголодь,
Не секут слишком больно,
Где не мрут они в грязи
От заразных болезней.

Тут распаивается дверь
И в трактир входит

Батюшка-поп, до того осанистый и важный –
Борода густая, крест на персях сияет.

Все трактирные пришли в великое смущенье.
– Это ж наш отец Михаил, настоятель.
Сроду он в трактир не хаживал.
Вот бутылки с вином отменным
Ко всем праздникам принимались благосклонно.

Говорит отец Михаил:
– Шел я мимо, дети,
Слышу, спор идет горячий,
Как бы не дошло до драки!
И решил стать судьей
В вашем споре.

– Батюшка, тебя нам Ангелы послали! –
Закричали обрадованные казаки.
Изложили ему свое дело,
А он отвечает важно:
– На Москве все сиротские дома
Один другого лучше.
Может ли быть иначе под государевым попеченьем?
Да вот только ни один из них не сравнится
С тем, что в нашем приходе,
В десяти шагах отсюда.
Все трудящиеся в нем –
Духовные мои чада.
Будь я сам сиротой –
Не желал бы лучшей заботы.

Взял он Егорушку на руки,
Тот его, как мать родную, обнял –
И отправились в путь. А казаки
Крестятся им вослед
И Бога славят.

А наутро стучит к настоятелю келейник:

– Дожидают тебя, батюшка,
Из воспитательного дома.
Ты им сам, говорят, в этот час
Прийти назначил,
Дабы день избрать
Для крестин подходящий.

– Сам назначил? Какие крестины?

– Обретенного в степях калмыцкого младенца,
Коего накануне ты им лично доставил.

У отца Михаила мороз пошел по коже,
Аж власы на голове зашевелились.
Он же после службы
Не то что не выходил за ограду,
А, напротив, поскорее у себя затворился,
Чтобы всласть побеседовать с заветной бутылью.
Господи Иисусе! Есть на свете бедолаги,
Что гуляют во сне,
Аж по краю крыши ходят.
А проснувшись, начисто ничего не помнят.
Мог и я по грехам своим угодить в их кумпанью!
Но откуда младенец? Да еще калмыцкий?

Как сознаться? Господи! Упаси от позора!
Сжался, смилуйся! Ты ведь все можешь!

Встал он, приосанился,
Кивнул важно.

– Ну, проси гостей!

А сам раскрывает Святцы.

– Что же! Завтра у нас Алексей, человек Божий.
Лучшего имечка и искать не надо.

Те обрадовались:

– Какая удача! Повар наш Егорий Егоров

Восприемником быть хочет.

А по батюшке он как раз Алексеич.

Так Егорушка в первый раз побывал в церкви.
До того ему, голубчику, там хорошо показалось!
А как стал подрастать,
Ума не приложат, что с ним делать –
Не силком же уводить мальчонку из храма.

С той поры, как стал он различать
Между сном и явью,
Ангелы ему только во сне являлись,
Наяву они, само собой, его не покидали,
Но незримо.
Ну а в храме Божьем Ангелам куда как привольно.
Заберутся под самый купол
И светят оттуда очами.
А Егорушка стоит внизу
И весь от счастья сияет.
А на Пасху раз –
Пяти годков еще не сровнялось –
Раздобыл уголек
И на стене сарая побеленной
Начертал, да так красиво и ровно:
– Христось Воскресе!

Отвели Егорушку к детишкам постарше,
Стал он с ними учиться и грамоте, и счету.
И однажды, когда все из класса вышли,
Подтащил скамейку под грифельную доску,
Взобрался с ногами,
Схватил кусок мелу
И таких двух Ангелов нарисовал,
Словно целый век рисовать учился.

Весь сиротский дом сбежался
Теми Ангелами любоваться.
А Егорушка нисколько не гордится,
А смеется и от радости пляшет.

– Ну, голубчик, рисуй себе вволю.
Хоть и дорога бумага, будет тебе и бумага.
А уж мелом – рисуй где тебе угодно.

А в столице уже рескрипт готовят
И во все концы рассылают.
Велено выявлять к рисованью способных
И везти в Петербург в Академию художеств.

Повезло Егорушке –
Попал под рескрипт под свежий.
Свежий-то рескрипт всегда исправно выполняют,
А через год про него и позабыть могут.

.....
.....

До чего же в Академии прекрасно!
Вся она – как сказочный город.
А каким наукам там учат!
Да они лучше любых сказок.
Учителя Егорушкой довольны,
Сам все схватывает,
Ничего объяснять не надо.
Только вот француз порой смеется:
– Правильно говоришь, да вот с большим опозданием,
Так, поди, пятьсот лет назад говорили.

Дни идут неспешно,
И каждый новый день сулит радость.
Но подкралась к Егорушке тревога.
Видит он – за окнами все темнее, да темнее.
В темноте встаем,
В темноте гулять выходим,
Солнышко неяркое только взошло –
И уже его нету.

– Что же с нами будет, Илья Матвеич? –
Спрашивает у наставника Егоров.
– Неужели совсем во тьму погрузимся,
Будем жить со свечками да с луною?

– Потерпи, Алешенька, – отвечал наставник –
Вот пройдет столько-то да столько-то денечков,
Свет начнет прибывать,
А потом такие светлые дни настанут,
Что и не увидим, как солнце заходит.

Как обрадовался Егорушка:
– Да это же как в Божьем граде:
«И языцы спасены во свете его пойдут,
И нощи не будет ту».

Изумился наставник, сказал учителю Закона Божья:
– Калмычонок-то наш попом родился.
Не пойти ли ему по духовной части?

– Что ты, что ты, Матвеич! –
Замахал тот руками.
– Ты не знаешь, как поповский хлеб горек.
А хороший художник сам себе хозяин.
Он и в церкви сгодится,
И в военном министерстве.

Учится Егорушка, усердствует, рисует.
Гречневую кашу запивает шипучим квасом.
Всех он любит, и все его любят.
И так было бы хорошо,
Когда б не эта птица.

Просыпается Егорушка до того, как зазвенит колокольчик,
А она уже сидит снаружи на оконной раме.
Поскребет по стеклу коготком,
Аж невольно от этого звука.

А потом не то запоет, не то застонет,
Ну до того тоскливо!

А порой они вдвоем приходят
Та, другая, не поет, не плачет,
Втянет голову, вся сожмется
И дрожит печальным комочком.

– Как же им помочь? Чем же их утешить? –
Думает Егорушка и наконец догадался.
Встал он тихонько, чтоб не разбудить других ребяташек,
Подошел к окну и сказал птицам:
– Страшно вам, что день ото дня все темнее?
А вы не плачьте, вы терпенья наберитесь.
Скоро станет светлеть,
А потом придет день – такой прекрасный!
Все будут петь от радости,
А ночи совсем не будет.

Глава II

Ночь в Петербурге.
Кому снятся сны, а кто спит без снов.
Кто уснуть мечтает,
Кто Вольтера листает,
А в Михайловском замке
Императора убивают.

Сбрасывает Егорушка одеяло,
Расправляет богатырские плечи,
В Академию пора,
Других учить рисованью.
Самому заодно учиться.
– Далеко до смерти, –
Усмехается Алексей Егорович –

Многому еще успеем научиться.

Пришел – а вся Академия ходуном ходит.

– Занятий не будет.

В церковь, скорее в церковь!

Государь этой ночью скончался.

– Господи! Отмучился наконец и всех отмучил.

А вторая мысль о себе:

– Ну теперь уж точно в Италию вождеденную поеду.

А в церкви народу!

Напирают сзади,

Притиснули Егорушку к колонне.

Вполоборота он на всех смотрит.

Боже Святой! Что же у них на лицах!

Ни вымученной скорби,

Ни радости плохо скрываемой.

Переглядываются и сразу глаза в пол опускают.

Священников не видят и не слышат,

Перекреститься вовремя не могут.

Ну, все понятно. И всем все понятно.

Но сколько сегодня народу набежало,

Будто назло.

Вон Рокотов стоит.

Сто лет его тут не видели, да еще в такую рань.

Скрючился весь, на лице гримаса.

Могли бы и привыкнуть, Федор Степанович.

Не первое на вашем веку царевубийство.

А в дверях Ванюха Теробенёв,

Ученик Егорушкин и приятель.

Двадцати лет еще не сровнялось якобинцу.

На роже большими буквами «Долой тиранов».

Эх, Теробенёв!

Твоего Людовика судили принародно

И по приговору суда казнили,

А жена и дети убийц не покрывали,
Не говорили, что сам собой умер.
Господи! Ну а вдруг все это правда?
Умирают же люди своей смертью.
Мы были бы счастливы.
Все говорят – Александр добрый.

Голос дьякона под купол уходит.
Никогда я не могу следить за службой.
Всё куда-то мысли уплывают.
Ну их, мысли. Душа сама по себе
Молится и днем, и ночью.

Небо и небо небес Тебя не вмещают,
Тем менее храм сей.
Мартос говорит, что Микеланджело
Ночами в саду молился.
Кто-то ему рассказывал в Риме.

Но я не вижу Мартоса...
А-а, он совсем рядом.
И слезы текут по щекам.
Хоть один тут плачет.
Покойный надавал ему заказов,
Можно сказать, богатым сделал.
Кого же как не его?
У Мартоса своих детей косой десяток,
Да еще полон дом сирот и бобылей убогих.

Но Павел, безумец несчастный!
Да с ним никакой сирота не сравнится.
Жить, зная, что мать отца убила
И тебе ежечасно желает смерти.
Вот и «чти отца и мать»...
А по углам шепчут,
Что он не сын Петра вовсе,
А незнамо чей.

Кто же ты есть, если целая заповедь

Не про тебя писана?
Отверженный Богом?
Как тут не впасть в безумие!

Егорушка взглянул направо и ахнул –
Андрей Воронихин!
Но его же тут не было,
С полминуты назад на этом месте
Стоял какой-то седоволосый барин.
Но это же он, его ни с кем нельзя спутать.
Егоров с ним не знаком,
На выставках только видел,
Царственной его красотой любовался.
Но откуда же взялся?
Ах, не все ли равно!
Господи, как его люблю,
Он Твое чудо.

Крепостным родился, в рабских цепях
Двадцать шесть лет жил,
Художник и зодчий,
Ромм-вольтерьянец потребовал ему свободы,
Стыдно стало хозяину перед Вольтером.

У Егорушки слезы брызнули из глаз.
Мартос увидал и пуще заплакал.
А на улице пожал ему руку, обнял.
– Ты на очереди в Италию, Алексей,
Ты заходи ко мне почаще,
Я тебе их обычаи растолкую,
Поучу итальянскому.
Красивый язык и легкий.
Я чуть не с первого дня все понимал,
Через месяц болтал свободно.

– Егоров, ты с нами?
Императора помянем, закусим.
– Нет, я домой, я к вам подойду попозже.

У прохожих на лицах такая радость!
Солнце сияет, весна началась в одночасье.

Апостол сказал, что нет власти не от Бога.
Дьявол говорит – «все царства отданы в мою руку».

Смилуйся, Господи, над несчастным отцеубийцей!
Не взыщи с нас, грешных, невольного соучастия.

Двое слуг у Егорушки.
Одного за глаза быхватило.
Да куда девать дурака-француза?
Прежний хозяин подобрал его в Лионе,
Довез до Петербурга
И за никчемностью выгнал.
А что тут скажешь?
Спать Филипп умеет несравненно.
А когда не спит, то без умолку болтает.
Хорошо еще – гулять выходит.

– Какой прекрасный город, месье,
Какие дворцы, какие проспекты!
Мне есть с чем сравнить,
Я бывал в Париже.
И люди здесь так добры,
Так подают щедро.
А услышат французскую речь,
Так еще дадут вдвое.
Вот, правда, свой брат нищий
Не всегда такой добрый,
И отнять могут, и побить,
Да еще попрекнут дармовым русским хлебом.

Но как мы с вами, месье,
Теперь живем прекрасно,
За квартиру не платим,

Дрова и свечи подвозят.
Правильно я говорю по-русски?
Живем как у Христа за пазухой.
Только Тихон-вот совсем не так доволен,
Даже если заставишь Филиппку
Что-нибудь поделывать,
Все равно переделывать придется.

– И долго вы будете терпеть это, барин?
– Тихон, у тебя откуда зипун зеленый?
– Я же сказывал вам, Алексей Егорович,
Он дядь-Гришин,
Тетки моей, тетя-Маши, мужа.
Сделался ему тесен, так мне отдали.

– Ну вот видишь, Тихон, а у Филиппа
Нет никакой тетки,
Теткину мужу, стало быть, неоткуда взяться.

.....
.....

– Жить можно только в России, – приговаривает Мартос, –
Ты, Алешенька, такой рисовальщик!
Подучиться немного – тебе равных не будет.
Там сейчас художники не те, что прежде.
Подлинно велик один Антонио Канова.
Наверняка тебя станут соблазнять у них остаться.
Меня, грешного, и того соблазняли.

Италия – рай земной.
И музей самый лучший в мире.
И народ веселый и добрый.
Я вообще, как приехал, будто на родине оказался.
По сей день, когда работаю – думаю по-итальянски.
А жить бы там не смог,
И ты не сможешь.
Почему – не смогу объяснить.
Как-то скучно там, тесно что ли.

У нас Москва-Петербург в одно слово произносят,
Ездят туда-сюда, как в соседние села.
А между ними столько верст!
Пол-Италии вместится – еще останется.
И вот что для меня непостижимо:
Едешь здесь – вроде бы недалеко,
Едешь там – совсем не так уж близко.

Хорошо тому, чья родня –
Несчетные Ангелы Божьи.
Но и дядь-Гриша с тетя-Машей
Ангелам чем-то сродни.
Открывают кухмистерскую,
Тихо нас к себе забирают.
А вот месье Филипп вскорости получит возможность
Оценить по достоинству развалины Колизея.
Не бросать же его, мерзавца,
С голоду подохнет.
А там, глядишь, не объест. Говорит же Мартос –
Если вдруг ограбят или что еще случится,
Виноградные косточки, апельсиновые корки
Тоже пища, и весьма полезна для здоровья.

Ну а сам-то он, Мартос, свою ораву
Не косточками кормит.
Все такие веселые, гладкие,
И денег ему хватает.
И места им всем хватает.
Вот она разгадка тайны пространства –
Не трехэтажная профессорская квартира их вмещает,
А душа твоя необъятная, Мартос.

...Видит Егорушка в одном из Мартосовых окон
Детское личико, устремленное в белесое небо.
Волосы стянуты, не поймешь, девочка ли, мальчик,
Из детей ли Петровича, из сирот ли пригретых...
Но как же смотрит, как смотрит!

Ангелов видит.

Мартос его в мастерской принимает,
Потчует квасом.

– Там этой роскоши не знают,
Зато вино у них дешевле кваса.

Уходя, вспоминает Егоров про дитя в окошке.
Поднимает голову – никого там, конечно, нету.
И тут раздается сердитый голос няньки:
– Да отойдешь ты от окна?! Спать пора ложиться.

.....
.....

– Всё вычисляешь, астролог-недоучка.
Ты бы еще погадал на кофейной гуще.
– Поколотил бы я тебя, Егоров,
Кабы не знал,
Что это бесполезно.

– Я, Терebень, людей не бью.
Я их обнимаю крепко-крепко.
Кто сумеет вырваться, пушай меня сам колотит.
– Ладно, Геркулес Васильеостровский.
Ты посмотри, что у меня выходит.
Петра III в шестьдесят втором убили,
Ивана Антоновича в шестьдесят четвертом.
Лет ему было двадцать четыре с половиной,
Из них двадцать три он провел в заточенье.

– Что ты городишь, Ваня,
В каком заточенье?
Какой Иван Антонович? Откуда взялся?

– Российский император, mon cher,
Коронован младенцем.

Анне Иоанновне внучатый племянник.

– Почему я никогда о нем не слышал?

– Потому что римскую историю, Алеша,
Мы постигаем по книгам,
А российскую, увы, пока еще
По темным слухам.
Вот сегодня этот слух и до тебя докатился.

Что? «Не всякому слуху верьте»?
А вот полюбуйся – доказательство.
Серебряный полтинник –
На, держи! На зуб попробуй.
Дедушка мой сберег на память.
Можно сказать, проявил геройство.
Все рубли-полтинники сорок первого года
Было велено сдать на переплавку.
За хранение – пытка и вечная ссылка.
Упомянуть его запрещалось,
Все документы уничтожили, понятное дело,
Самому Времени наша власть хребет переломила.
Вслед за сороковым годом сорок второй начинался.

Смотрит Егорушка на монету –
Всё честь по чести: Иоанн III,
Божьей Милостью Импер. и Самод. Всерос.
Из-под венца – пухлая детская щечка,
В ручонке скипетр. Всё же чеканка плохая.
Единица еще читается, семерка совсем провалилась,
И только сорок первый год выбит четко и весь сияет.

– Тринадцать месяцев процарствовал.
Тринадцать месяцев попы что есть мочи
Пели ему «Многая лета».
И соделалось по их молитве,
В каменном мешке день покажется годом.
Я как-то посчитал, сколько дней он там пробыл.

– В каменном мешке?..
– Да еще в каком! Представить страшно.
Там не то что во весь рост не встать-не лечь,
Там сесть нельзя было.
На коленях стоял.
Чьи грехи замаливал – неизвестно.

– Но он должен был расти...
– Да нет,
В Шлиссельбург его только шестнадцати лет заточили,
А до того таскали с места на место
Где-то по Архангельской губернии.

– Ты сказал, что его убили...
– Ну конечно! Мы же не в какой-нибудь Европе,
Русские помазанники до того живучи!
Потому-то их всякий раз и убивают.

Послан бы к Ивану Антоновичу Ангел смерти,
В чине подпоручика по фамилии Мирович.
Размечтался он освободить беднягу,
Ну и стража прикончила обоих.

Тут перестал Терebenёв острить, посерьезнел,
Погрустнел даже.
– Дед мой, Ефим Иванович, мудрый был старик,
Он говорил, что если бы гренадеры
Не возвели тогда Елизавету,
Не разогнали бы курляндскую свору,
То Москва, конечно бы, уцелела,
А на месте Питера было бы опять болото.

Я и сам это прекрасно понимаю,
Но когда первый раз узнал в детстве,
Сам не свой ходил.
Все мне слышалось, как он плачет,
Как он бьется о каменные стены.
Ну а потом привык. Таков наш разум,
Он к чему угодно привыкает.

Ты взглянул бы лучше на мои расчеты.
Мартовские иды...
– Другой раз, Иван,
Отпусти душу на покаяние.
Хватит с меня сорок первого года.

Был человек слепой от рожденья.
И ученики Спасителя спросили:
– Рабби, чей грех человек сей несет?
Свой или родивших его?

– Не ваше это дело, – отвечал Христос.
И даровал тому человеку зренье.
А царю Иоанну была дарована смерть
Как высшая милость, от мук избавленье.

И мы все слепыми приходим в этот мир,
И бредем во тьме,
И как высшая милость
В конце дороги нам даруется смерть,
Чтобы душа о стенки тела не билась.

Жалко ему Ивана Антоновича?
Сердце молчит.
А голова кипит, сейчас разорвется.

Есть в целом мире один лишь человек,
Кого он ни разу жалости не удостоил.
Имя ему Алексей Егоров.
Океан страданий раскинулся вокруг,
И он по волнам его проходит,
Как по твердой суше.
Но если ближнего любишь,
То его страданьем страдай,
И за грехи его со стыда сгорай,
И кто же здесь ближний, кто дальний?

– Вот он приблизился, этот Иван,
Умерший полвека назад,
И еще мириады из тьмы времен на меня глядят.

Ангелы Божии к Егорушке спустились,
Дохнули на него любовью,
Отерли слезы.
А потом опять поднялись,
И так расцветили небо.
Залюбовался Егорушка закатом.

.....
.....

– Едем! Едем! –
Он готов расцеловать Карту.
Жаль, что нету Глобуса,
Он прижал бы его к сердцу.
Морем в Германию, из Гамбурга в Дрезден.
Из Дрездена до Вены.
Дрезден и Вена!
Там столько всего собрано!
От одного перечисления дух захватывает.
А от Вены рукой подать до Милана.
Медиолана, – с наслаждением выговаривает Мартос,
И также он всегда произносит *Амброджотто*.

Тихон старательно укладывает вещи.
– Да ну их, вещи! Там тепло, как в раю,
Налегке поедem.

Вот он, жилой корпус Академии художеств.
Тот же ребенок в окне. Как он вытянулся за год.
Никакой это не мальчик,
Это Вера, одна из младших Мартосовых дочек.
Егорушка взбежал по лестнице,
Подошел к ней, показал глазами на небо

И спросил с пониманием: – Есть там что-то, Верочка?
Девочка огляделась – не слышит ли кто –
И в тон ему отвечала:
– Конечно есть, Алексей Егорович,
Потому и хочется смотреть,
А как сказать – не знаю.
Тут Мартос и жена его появились шумно,
Поздравляют Егорушку, обнимают.
– Мы, Алешенька, гостей на завтра созываем
На торжественный обед в честь твоего отъезда.

А дома сияющий Тихон встречает его на пороге.
– Барин! Барин! Такая радость!
Филиппка с Вами не поедет.
Берет его за себя старая девка с деньгами.
Это все тётъ-Маша устроила, дай ей Бог здоровья!
Рябовата невеста, зато из благородных,
И сама так довольна –
Ведь не за прислугу выходит.
Как же! «Месье Филипп бежал от ужасов революции».

Ох какая обуза с плеч свалилась!
Счастье тебе, Филиппка!
У Христа за пазухой места много.

Часть вторая

Глава III

В десятый, двадцатый, тысячный раз
Рассматривает Егорушка «Афинскую школу».
Закроет глаза – и она перед ним.
Сядет где-нибудь, глаз не закрывая,
И разглядывает каждую фигуру, каждый штрих.
Хочет понять, что она ему говорит.
А она не говорит, она кричит,
А он словно оглох.
И ничего не понимает.

Антонио Канова подходит к натурному классу.
– Ну конечно, опять этот русский.
Сам ребенок и всех в детей превращает.
Сейчас войду и забуду про свою старость.
Что он там, этот счастливчик, на сей раз придумал?

Стоят посреди класса Егорушка и натурщик.
Здоровенный парень из каменоломни.
Ноги расставили, ладонь в ладонь уперлись,
Ни один не может другого с места сдвинуть.

Все художники работу побросали,
Толпятся вокруг них,
Подзадоривают, смеются.
Как увидели Канову,
Стали с поклонами расходиться.

Говорит Канова Егорушке:
– Давай-ка за стол сядем
И посмотрим, у кого рука сильнее.
– Ни за что, синьор Канова, –
Отвечает Егорушка.
Вашу руку прижать к столу

Ни за что не посмею.
А в поддавки играть
Вам самому будет скучно.

– До чего же ты славный, –
Думает Канова. –
Захотел бы здесь остаться,
Любил бы я тебя, как сына.

– Все равно у скульптора рука сильнее.
Ладно, завтра я весь день в мастерской.
Приходи, когда захочешь.
Натурщица моя будет в десять.

– До чего же с ним легко,
И как он знает французский!
Говори, о чем хочешь,
Никто не понимает.

– У Камуччини к тебе просьба,
Но ему неловко.
Решил через меня обратиться.
Он не успевает выполнить заказ Папы.
Ты же можешь подделаться под его манеру...
– С превеликой радостью.
– Композиция огромная.
От тебя потребуется
Пять или шесть фигур.
Он хорошо заплатит.
Но ты мне обещаешь, что никому ни звука.

– Конечно, обещаю,
Но наш друг Камуччини
Человек самолюбивый,
И сам все доложит Папе.

– Вот это их дело,
Камуччини и Папы.

Я же хочу тебя попросить, как старший,
Когда ты видишь в чьем-то рисунке недостатки,
Лучше всего смолчи.
Но, а если молчать не в силах,
Так скажи, чтоб никто, кроме вас двоих, не слышал.

Егорушка покраснел и надул щеки.
– Я ведь не из бахвальства,
Я из патриотизма.
Они все твердят, что русские рисовать не могут.

– Вот-вот, каждому свое.
Мне говорил один русский,
Что в Петербурге и Москве
Все так просвещены,
И так пером владеют,
Что едва перейдешь кому-нибудь дорогу,
Полетит за тобой донос быстрее ветра.
Ну а мы тут огрубели со времен Цицерона,
Да и римское право, ты уж прости,
Придирчиво к доносам.

Зато у нас в ходу другой способ и более надежный.
Подойдут в темноте разбойников с кинжалами –
И доказывай апостолу, что это не простое ограбление.

Усмехнулся Егорушка, но вслух
Не сказал, о чем подумал.
А Канова продолжает.
– Вот и Микеланджело
Смолоду бранил при всех чужие работы.
Одному мерзавцу это пришлось не по вкусу.
И он его так в лицо кулаком ударил!
Переносицу проломил, а потом целый месяц... –
Голос Кановы задрожал, –
Ведь у нас в Италии два солнца.
Одно на небе, а другое на земле –
Наш Микеланджело.
Такие удары смертельны.

Представить страшно, что бы с нами было.

Не сказал Егорушка,
О чем подумал,
Но волнение Кановы,
И ему передалось,
И он содрогнулся.

– А этот человек...
Что же с ним случилось?

– Для начала он попал в ад.
А что потом – не знаю.
Я не шучу, Егоров, тут не место шуткам.
Торриджано сожгли на костре.
Занесла его нелегкая в Испанию,
А у них на тот месяц, или на ту неделю,
Маловато было человеческого мяса,
Еретиков и евреев не хватило.
Вот его и обвинили в чем-то подходящем.
И на костер. А что потом – не знаю.
Может, слепоглухонемым родился.
Ты, конечно же, не веришь в перерожденья.

– Я не верю, а кое-что знаю.
Но с чего Вы взяли, синьор Антонио?

– Ты терпеть не можешь, когда речь заходит
О предметах, не влезающих в Катехизис.

– Никогда я об этом не сказал ни слова!

– Мы с тобой не зря художники, мой милый,
Выражение лица нам порой расскажет
Даже больше, чем прочитанное в книге.

Как же быть с Рафаэлем, премудрый Канова?
Выражением лиц, выражением рук,

Выражением ног
Эти фрески взывают.
Мне, наверное, жизни не хватит,
Чтоб понять эту речь.

С противоположной стены на «Афинскую школу»
В упор уставился «Диспут».

С ним все же полегче.
Прославленный «Диспут»!
Если кто за три века тебя разгадал, –
Ни тебя, ни себя догадался не выдать.

Окажись тут мой Терebenёв,
Вот бы он повеселился!
Это ж лакомый кус для него,
Вольтерьянца-тираноборца.
Так и слышит Егорушка
Голос Ивана:
– Наш он был, Рафаэлушка, наш,
Понимал все не хуже Вольтера.
Как он ловко их высмеял,
Дважды обвел вокруг пальца!
Лицемерные рожи!
Понять не смогли, что над ними глумятся,
Потому что не видели сроду
Ничего, кроме лжи и притворства.

Только рано еще смеяться Вольтеру.
И победившему в диспуте Папе торжествовать рано.
Кто стоит на переднем плане, ожидая своего часа?
Как спина его напряжена!
Левая нога приготовилась к рывку.
Что ему участники диспута!
Что намалеванные на потолке святые!
Взгляд его устремлен на собственный перст, указующий вниз.
Что за силу он черпает из-под земли?

Вот он насытился ею вполне

И рывком, развернувшись,
Очутился в центре «Афинской школы».

Аристотель! Платон!
Кто им выдумал эти роли?
Сам Рафаэль, несомненно! Лучше выдумать было нельзя.

Вот в несчетный раз профессор «Святого Луки» завывает студентам:
– В образе Платона запечатлел маэстро
Черты великого Леонардо да Винчи.

– Бедолага! Портрет Леонардо
Можно задешево найти
В любой лавчонке.
А вот сходство его с персонажем Рафаэля –
Только за хороший гонорар.

...Эта височная кость... эти характерные глазницы...

Папа Джулиано делла Ровере!
Величайший в мире заказчик,
Вдохновивший Микеланджело и Рафаэля.
Проигравший битву за Рим державный.
Победивший в битве за Рим бессмертный.
Ракурс иной, чем в «Диспуте», но он же.

Он не мог не узнать себя
В этом Платоне,
Но ни слова не проронил,
Признавая свое поражение.
С какой ненавистью смотрит он
На псевдо-Аристотеля, стоящего рядом,
Простирающего вперед руку
С растопыренной пятерней,
Ощутившего себя владыкой мира.
Он уже заграбастал
Все пространство фрески
И рвется дальше.

Но стоят здесь двое –
И *Князь мира сего* в них ничего не имеет.
И смотрят они за пределы фрески,
Прямо в сердце Егорушке смотрят.
Сам Рафаэль и женщина с лицом как у дрезденской Мадонны.
Взгляд Рафаэля тревожный, но твердый.
А у женщины он еще тверже.
В белых одеждах,
Она как незримой стеной
Отгородилась от тех, кто вокруг.

А они все ликуют,
И без всякого лицемерья.
Прочь христианскую ветошь!
Станем сами собой.

Древняя родина! Как ты богата!
Столько имен, столько ролей – выбирай на любой вкус.
Если кто не желает пировать вместе со всеми,
Может принять позу Гераклита,
Может вырядиться Диогеном.

О Диоген! Твое лицо обезображено болью...
И ты не сам уселся на эти ступени –
Тебя швырнули на них.
Изможденный, почти нагой...
И все те же лоб и глазницы!..

Тайна, известная одному Рафаэлю –
Почему и в «Диспуте», и «Афинской школе»
Папа Юлий Второй изображен дважды?

То, что в «Диспуте» он – Григорий Великий, известно всем.
Это вполне понятный комплимент.
Но мрачный старик, что стоит за плечом Форнарины,
Это он же. На кого он смотрит?
На самого себя в «Афинской школе».
И туда же с чуть заметной усмешкой
Смотрит Рафаэль, надвинувший белый клобук.

Всех загадочней Гераклит.
Егорушка помнит со школы –
Это портрет Микеланджело,
И это чистейшая правда.
Но какой же рисунок, мой Боже!
Превзошедший себя Рафаэль.

Как же любил он тебя, скорбящее солнце земное.
Мудрой печали твоей как же он сострадал.
Ты отделен ото всех,
Ты почти за пределами фрески,
Одет в современное платье,
На ногах боевые ботфорты.
Скорбь твоя небезнадежна, ты копишь великую мощь.

А низвергнутый Диоген сжимает в руке листки.
Что, Диоген, читаешь? «Записки о Галльской войне»?

Бродит Егорушка по Риму, надышаться не может.
Все ему кажется, что на Москву он похож,
А порой, что похож на Питер.

Задремал Егорушка на скамье возле виллы Мадама.
Расселись с обеих сторон бородатые мужики в овчинных тулупах.
Вынули черного хлеба, посыпали крупной солью.
Перемигиваются, причмокивают, смеются.
Любуются Римом.

Сон ты мой сладкий...
А все равно просыпаться придется...
Столько еще работы...
Ох! Столько работы.

– Как вы думаете, синьор Канова,
Станет Наполеон затевать войну с Россией?
– Станет, конечно, а куда ему деваться?

– От кого?
– От себя самого, от кого же еще?
Это дух войны. Марс, Арес... Один только дьявол знает.
Он будет воевать, пока его не остановят.

Да... Вообразить не мог бы...
– Чего, синьор Антонио?
– Всего этого... Если б я не видел его так близко,
Я бы не поверил, что подобное бывает.
Только что он поразил тебя своим величием,
И сразу в такое впадает... Невообразимо.

В Милане его обожают. В Неаполе, наверно, поменьше.
Они как были нищими, так и остались.
Гражданский кодекс на обед не сварить.

Но удивительно, никто и никогда
Так не ценил, не понимал мои работы,
Как Наполеон.
– А я, синьор Антонио? – Его восторги
Золотом измерялись. Но однажды
Он захотел купить меня целиком.
И это пришлось кстати.
У меня уже силы были на исходе
И от пребывания в Париже,
И от лицемерия его персоны.
Ты можешь себе представить, мой милый –
Лицо, на котором никто никогда не видел улыбки!
Нет, в этом человеке все невообразимо.

И стал я кашлять и за сердце хвататься.
Ну что поделаешь! Климат есть климат.
В Италию чахоточных везут со всего света!

– Вот и мне потребна петербургская сырость
Для смягчения, так сказать, сердечного жара.

– Так ты твердо решил возвращаться?
Егорушка только развел руками.

Когда он что решал? Всегда все за него решалось.

– Три года мои уже истекли, а мне еще надо

Закончить несколько заказов

И дожидаться приезда одного антиквара.

Он мне обещал хорошую гравюру

Алтаря Цецилии.

– Не дает он тебе покоя?

Да, странная вещь. У Рафаэля вообще сплошь загадки.

Дураки только думают, что им все понятно.

– А во Франции сейчас есть художники?

– Еще какие!

И прежде всего Давид. Это прямо внук Рафаэля.

В России наверно его имя под запретом.

Он был членом Конвента и голосовал за *казнь*.

Но больше всего меня поразил один художник...

Он чуть не сто лет как умер, у нас его совсем не знают.

Антуан Ватто.

– В Эрмитаже есть его работы.

– Я даже копию заказал с одной картины.

Вот, смотри.

И посмотрел Егорушка:

Юноша, почти мальчик, весь в белом

Стоит, свободно опустив руки,

И взгляд... Если пересказать его словами –

К чему тогда искусство живописца?

Этот взгляд, его не только глаза излучают,

Все лицо, вся его фигура в белом

Исполнены этим взглядом.

И захотелось Егорушке

Встать рядом с ним, опустить свободно руки

И всем собою в этот взгляд обратиться.

.....

.....

- Какая на нем странная одежда...
 - Это персонаж commedia dell'arte.
 - Это Христос, – прошептал Егоров.
-

– Привет, Камуччини!

– Явился!

Я уж думал, что ты не придешь.

– Прости, ради Бога! Я застрял в посольстве.

Я составил длиннущее покаянье,
За себя и за двух товарищей моих.

А с дипломатической почтой

Оно быстрее дойдет до Петербурга.

И я уже был в дверях, как посол появился.

А он где-то слышал,

Как меня обозвали русским Рафаэлем,

И решил в честь этого дела

Конфетами осыпать.

– А чем запивали?

– Кислятиной какой-то.

– Ну вот, а здесь тебя роскошный ром дожидался.

– Контрабандный ром?

– Конечно, контрабандный.

Выпил Егорушка английского рома. Одобрил.

Потянулся за голландским.

Потом захотел к английскому возвратиться,

А его уже нет – Винченцо ничего не оставил.

Пришлось тогда допивать голландский.

Сидит Егорушка, ногой-рукой шевельнуть не может,

Посмеивается тихонько.

(– Правду обо мне говорили,

Что попом родился.

Язык не ворочается, а в голове проплывает:

Дайте вина огорченному душой.

Притчи 31, 6.

А вот Камуччини мрачнее тучи.

Все от того, что Святаго Писания не знает).

– Когда уезжаешь?

Егорушка на пальцах изобразил,
Что через две недели.

– Да надо ли тебе возвращаться?

У тебя же там никого нет.

Егорушка поморгал-поморгал,

Да как выпалит:

– Жить можно только в России.

– Да как вы можете там жить? –

Заорал Винченцо.

– Как вам самим себе в глаза смотреть не стыдно?

Вокруг ходят люди

Ничуть не хуже вас,

А может, вас и лучше,

А их в любой момент продать могут,

Как скотину, как мебель.

Да ты же знаешь прекрасно –

У них детей отнимают на продажу.

Чувствует Егоров – хмель проходит,

А пошевелиться все равно не может.

– Как же я их брошу? – бормочет, –

Как же я их брошу?

Господи Боже! Как же их бросить?

– Я на этих русских насмотрелся.

Они еще гаже, чем англичане.

Те человека измеряют

По количеству фунтов в год.

А эти?

«Сколько у него душ? Сколько у него душ?»

Дьявол, что ли, вас надоумил

Божьими душами измерять свое богатство?

Души в банк закладывают,

Души проигрывают в карты!..

У Егорушки слезы полились ручьями.
– Как же их бросить! Ну как же их бросить!

– Ты Демидова знаешь?

– Видел издали.

Кто их, гадов, не знает.

– Он ко мне на раскопки притащился.

Я не мог его выставить. Он финансировал эти раскопки.

Это был его скромный подарок Папе.

А нас всех трясло от его лакея.

Парень говорил на трех языках.

В античности разбирался не хуже римлян.

По-моему хозяин ему завидовал.

Я ему говорил: – Пьетро, беги во Францию.

Мы тебе поможем.

Я дам тебе письма к моим знакомым.

А он отвечал, что барин его этого не стерпит.

Он отыграется на его братьях и сестрах.

Они же полностью в его власти.

Знаешь, Егоров, у нас тоже всякой дряни хватает,

Но такого терпеть бы не стали.

У нас этим господам давно бы перерезали глотки.

Рухнул Егорушка головой на стол,

Обхватил ее руками.

– Господи Боже! Ведь перережут!

Как же быть? Что делать?

Ведь всех перережут.

Может, я и дурак,

Но мне понятна эта картина.

Мир, в ней отраженный, –

Он сплошная загадка.

Святая Цецилия держит в руках цевницу.

Вся она – музыка,

Вся – религиозный экстаз.

И такое лицемерие,
Что мурашки бегут по коже.
У нее за спиной фигуры двух содомитов.
В них нет лицемерия, они заняты сами собой.
И они над всем мирозданием глумятся.
Безо всякого вызова, так, произвольно.

На переднем плане – все те же главные лица:
Князь мира сего, владетель земного царства
И она, Дрезденская мадонна.

В «Диспуте» она у него за спиной,
В «Афинской школе» они далеко друг от друга,
Он ее не видит.
А здесь они стиснуты пространством картины,
И ему уже не отвертеться.
Он, понятно, еще не побежден,
Но он смущен, он озадачен.
На фресках черты ее почти детские,
А здесь она уже другая.
Она набрала такую силу!
Он ясно видит,
Что ничего не сможет с нею сделать.

– Вы говорили, что Антуан Ватто совсем недолго прожил.

– Тридцать семь лет, как Рафаэль.

Он умер от чахотки.

– А Рафаэль?

– Я все ждал, когда ты об этом спросишь,

А ты тянул до самого конца.

– Ведь всё, что болтают в салонах, неправда?

– Еще бы! Какая-то оргия, какая-то малярня!

От этого помереть не страшно.

– Засыпать вообще не так уж страшно, – тихо сказал Егоров, –

Просыпаться, порой, куда страшнее.

Мастер кивнул.

– Я не прочел ни одной умной книги.

Все эти философы, отцы церкви...
Я на второй странице засыпаю.
– А я на первой.
– Зато я хорошо разбираюсь в жизни.
Жизнь – это люди. Даже самые счастливики
Считают, что им чего-то не хватило,
Недодали им чего-то.
А на долю Рафаэля выпало столько счастья... –
Канова замолчал, а Егоров отвернулся.

– Когда он прибыл в Рим,
Ему и двадцати пяти не сравнялось.
Слава его по всей Италии гремела.
Чистый душой и телом,
Добрый, как ангел,
Сама зависть стыдилась на него пасть разинуть.

Он был принят в кружок первейших умников.
Оба Медичи, Бибиена, Бембо.
Будущие папы, кардиналы.
Деньги и почет обеспечены навечно.
Бибиена захотел с ним породниться.
Он сговорил его со своей племянницей.
Она была еще совсем ребенком,
Ну и он очень молод, куда торопиться?
Такие вещи и сейчас не редкость,
А в те времена и вовсе были в порядке вещей.

А потом увидел Маргариту,
Свою любовь, свою душу.
Отец ее был пекарем из Сиены.
Канова задумался.
– Тебе не рассказывал Мартос,
Как он побывал в этом городе?
– Нет.
– Он засыпал под открытым небом,
Боялся, что каменные стены
Помешают ему с духом Сиены сливаться.

Мы все шутили над ним.
Сиена – это город Мадонны.
Но не той, которой все молятся
И день и ночь о чем-то просят.
А той, что непрестанно молится сама.
И за тех, кто просит, и тех, кто не просит.
Ты же знаешь, мой милый, я не мистик,
Я ни на что такое не претендую.
Но в этой Fornarina воплотился дух Сиены,
И он соединился с душой Рафаэля.
Он не мог от нее отказаться.
Это было бы страшнее смерти.

– Во Христе Иисусе, – думает Егоров, –
Нет ни мужского, ни женского.
Послание к Галатам.
Дрезденская мадонна...
Образ Христа в обличии женском...
И этот взлохмаченный испуганный ребенок...
Разве это Спаситель?
Это трепещущий род людской
В материнских объятиях Божьих.

– Никому до них не было дела, – продолжал Канова, –
В Риме, как известно, каждый второй
Дал обет безбрачия,
И из них каждый первый имеет наложниц.
Жить со служанкой обычное дело.

А он ведь на ней женился... Почти...
Без венчанья, гражданским браком.
Все мы, римляне, изворотливые юристы.
Он записал на нее половину дома,
Где они поселились,
И чуть не все свои деньги по разным банкирам.
Об этом узнали уже после его смерти.

Но Мария Бибиена никуда ведь не делась.
Так он и жил

В единенье с Мадонной и в предвкушении ада.
Папа Юлий умер, воцарился Лев,
Личный друг Бибиены.
Хуже от этого не стало.
Все равно помолвку расторгнуть невозможно.
Это смертельное оскорбление.
Даже сейчас такие вещи смываются кровью.
А бедной Марии исполнилось пятнадцать,
В этом возрасте выходят замуж.
И он торжественно с ней обручился.
И началась агония, растянувшаяся на пять лет.

Сиенская Мадонна в любую минуту
Ушла бы в монастырь.
А ему что делать?
Без нее он не мог бы ни жить, ни работать.
И здесь же ни в чем не повинна Мария,
И жениться ему все равно невозможно.
Он понимал, что своим существованьем
Он губит ее жизнь.
Уже загубил.
Все сроки вышли.
И он принял яд.

– Нет! – закричал Егоров. –
Этого не было, синьор Антонио.
Я клянусь Вам!
Господь не допустил бы.
Посмотрите последний автопортрет.
Там все сказано.
Он знал, что умирает.
Посмотрите! Вы увидите сами!

– Ты в этом уверен, caro mio?
Ты снял с моей души большую тяжесть.

– Господи, – рыдает Егорушка, –
Как мы здесь оказались? За что? Почему?

Кто из нас жив?
Кого еще нету?
Где кончается сон?
Где начинается новый?
*При этом я пробудился и поглядел, –
Сказал Иеремия, – и сон мой был мне приятен.*

Глава IV

Едет Егорушка в Вену,
Трясется в дорожной карете.
Где еще калмыку отоспаться,
Как не в кибитке...
Долгие перегоны,
Редкие постоялые дворы.
Вот и хорошо, скорее доедем...

Кто-то хватает его за плечо,
Кричит в самое ухо:
– Алешка, просыпайся! Помер ты, что ли?
– Да я сто раз его будил, Илья Матвейч.
Откроет один глаз и засыпает, как убитый.
Так бывает в сильную непогоду.

– Что же делать-то?
– На руках снесу, не такой тяжелый.
– На руках! Помладше него на чердак добро таскают.
Погоди, Никола. Я постель его свяжу, все пожитки.
– Да неужто этажи зальет, Илья Матвейч?
– Ты семьдесят третьего года не видел, Никола.
А кто видел, вовек не забудет.
Сколько народу погибло,
Сколько без крова осталось.
Ну пошли. Чай, десятый раз на чердак этот лезу.

Погоди, Никола, дух переведу.
Не те уже мои годы.

Догадался Антихрист, где город поставить.

– Тише ты, Матвеич.

– А кто на меня доносить пойдет?

Ты что ли, Никола? Или Алешка?

Спит Егорушка на руках у Николы,

Молится во сне:

– Боженька, пожалей, Боженька, помилуй.

– Ну вот и добрались. Все детки спят.

И дождь, кажись, утихает.

– Нева, пока не нажрется – не утихнет.

Приучил он ее, прикормил.

Одно слово – Антихрист.

– Так, стало быть, Матвеич, ты старой веры?

– Глупой ты, Никола. Вера есть вера.

Не бывает она ни старой, ни новой.

Завтра другой царь придет,

Другую веру объявит.

Сколько тогда найдется староверов?

– Господи, спаси! Выходит, царь на земле главнее Бога?

– Не знаю, Николка, не знаю.

Кабы люди Бога боялись, как они властей боятся...

Тут Егорушка встрепенулся, заплакал:

– Илья Матвеич! Там внизу все мои рисунки! Пропадут ведь...

– Спи, Алешка, новых нарисуешь.

(– Как нарисую? Три года работы!..

Все, что накопировал, бесценные гравюры,

Сколько денег за них отдал...)

Просыпается Егорушка все в той же карете.

Оба Васьки¹ храпят, привалившись друг к другу,

И другие попутчики спят. Скоро Вена.

Эх, придется там задержаться.

Демут-Малиновский венской оперы не объедет.

Как лишить беднягу такого счастья?

¹ Художник Василий Кузьмич Шебуев и скульптор Василий Иванович Демут-Малиновский.

Снова в сон проваливается Егоров.
Как трясет, как качает...
– В шторм попали, Алексей.
А в трюме пожар! Живыми бы до Питера добраться!
(– На воде и сгореть?
Сушей надо было добираться).

.....

Наконец-то мы в Вене.
И Василий Шебуев, художник,
Первым расписывается в журнале прибывших.

Саксонский посланник даже смущен.
– Маэстро Егоров!
Я видел в Дрездене ваши рисунки.
Какая удача, что могу лично...
Хотел бы стать счастливым обладателем...
Гонорар будет достоин вашего таланта.

(– Такой молодой и восторженный,
Как ты в посланниках оказался?
Ну да, через масонскую лавку.
Когда руку мне жал, все крутил безымянным пальцем.)

– Поверьте, маэстро,
Я сужу об искусстве не понаслышке,
А повинуюсь уму и сердцу...

(– Лишние деньги никогда не помешают...
В оперу с ребятами пойду...
Оказаться бы,
Как в тот раз, на «Волшебной флейте»!)
Музыки Егорушка, конечно, не запомнил –
Запомнил свое несказанное блаженство.
Моцарт! Ради тебя многое можно простить людям.

– Если у Вас нет иных планов, маэстро,
Завтра в опере дают «Волшебную флейту».
Моя ложа к Вашим услугам. (– Ну что тут скажешь?
Ничего не скажешь. Заказывали «Волшебную флейту»?
Извольте, вот вам «Волшебная флейта».
Хотели в задний ряд партера?
Извольте, вот вам посольская ложа!)
– Со мною двое друзей, господин посланник.
– Ваши друзья – мои друзья, маэстро.

– Вы настоящий меломан, месье Егоров, –
Шепчет посланник во время речитатива. –
Вы слушаете с закрытыми глазами.
(– Чтоб этих декораций не видеть,
Не то что закрыть, завязать глаза не жалко.
Да и все, что сейчас на сцене происходит,
К этой музыке почти не имеет отношенья.
Моцарт! Жаль, что я ничего о тебе не знаю.

Эта музыка излилась из сердца,
Познавшего любовь, как в Песне Песней,
Как у Рафаэля и его Маргариты.
Такая любовь сокрушает все преграды.
И смерти не боится. О жизни и смерти
Она больше всех других знает.)

.....

Антракт. Роскошные лакеи
Вносят мороженое и все такое.
Посланник наклоняется к нему,
Вращая глазами:
– В этой опере отражены ритуалы
Священного братства друзей человечества.
Моцарт был из числа высоко посвященных.
Захотелось Егорушке
Запустить мороженым в зрительный зал.

А вот сдержался. Наоборот,
Дочиста все доел.
Вспомнил со злорадством,
Как пировал весь Петербург
В день, когда удавили
Священного старшего брата...

.....

(– Ну почему я не сижу в партере!
Отравил ты мне всю радость, масон горемычный.
Это музыка о любви, а не о ваших ритуалах.
Все на свете готовы прикарманить.)

А мысли уже поплыли своим ходом.
Воронихин – всегдашняя моя боль!
Если бы ты не подался в масоны,
Смог бы ты в гильдии архитекторов оказаться?
Храм, что спустился с небес в твое сердце,
Смог бы иначе ты построить?
В наших краях издревле живут по таким законам.
Как мы здесь оказались? За что?
Иаков в одеждах Исава.

.....

Вот уже оркестранты по местам садятся,
Поудобнее стулья сдвигают,
Пробуют скрипки...

Плыть по течению – лучше на свет не родиться.
Против течения плыть – сил никаких не хватит.
Остается только одно – подняться над этим потоком.
И не разожметса вовеки
Та Рука, что тебя вознесла.

.....

(– Ну куда от него деваться?

Опять с комментарием лезет.
Сжался надо мной!
Дай хоть арию до конца дослушать!)
А посланник уже шепчет:
– Царица ночи –
Символ мирового зла. Воплощение мрака.
(– Вот те на! Этот сказочный голос! Эти трели!
Да у вас и соловей воплощение мрака.
В живописи ты, конечно, что-то смыслишь,
А вот музыки не слышишь совсем.
В этом мире зла и без Моцарта хватает.
Моцарт – это Божий дар земным страдальцам.
Свет, пролившийся в долину тени смертной.
«...Свет. И нет в нем никакой тьмы», – сказал апостол.
Только где он, тот апостол?
А вот священный брат Бонапарт
Он тут рядом, на всех границах.
Королевство вам состряпал.
Золотые горы обещает.
Кто же откажется!
Да что я злюсь на беднягу?
Он ведь искренне всем желает счастья.
Ну а если Бог ума не дал,
Откуда взяться?
Все тебе прощаю за эту встречу.
О мои Тамино и Памина!
Может, повезет еще раз эту музыку услышать,
И до Питера Моцарт долетает, доезжает.
Бедная музыка! Сколько ей всего нужно.
Исполнители нужны, инструменты...
Зато она в огне не горит, в воде не тонет.)

Вздрыгнул Егорушка,
Сны свои вспомнил.
Не менять же маршрут из-за каких-то снов?
«...Старцам вашим будут сниться сны».
Хорош старец!
Что я Васькам скажу?
Решат, что уж точно спятил.

А перед глазами все та же «Афинская школа».
Весь в голубое закутан красавец –
Самый что ни на есть Посейдон.
Ладно, до Кракова все равно добираться по суше.
Может, Господь пожалеет,
Пошлет мне какой-нибудь знак...

Наутро Демут-Малиновский и Шебуев
Заявляют, что не могут покинуть Вену,
Праху Моцарта не поклонившись.

У него заказ... И вообще он не любитель кладбищ.
«...Что вы ищете живого среди мертвых?»

– Не могу я никак, ребята.
Поклонитесь от меня Амадею.

.....

Но возвращаются Васьки
С вытаращенными глазами.
Не нашли они могилы Моцарта.
Ее нету. Просто нету.
Чего им только ни нарасказали!
И что была повальная лихорадка.
Что жена Моцарта была больна,
А семья бедна.
Все это сплошная неправда.

Моцарт был придворный капельмейстер,
Знаменит был на всю Европу.
И для него не нашлось
Ни креста, ни камня.
Сидит Егорушка, словно бездна пред ним разверзлась.
Вот тебе священное братство.
Вот тебе и высокое посвященье.

(Краков)

Что за город?
Он хочет казаться немецким,
Но везде проступает Испания.
Как тут она очутилась?

– В Москву направляетесь, пане?
О-о! Вы приедете в такую прекрасную пору!..

Черный кафтан долгополый,
Черная шапка...
Волосы и борода
Снега белее...
И глаза... Как их не узнать Егорушке!..

(– Значит, ехать через Москву?
Да это ж не вдвое, а втрое длиннее!
Но он же здесь не за тем,
Чтоб со мной препираться.)

– Коротка ли, длинна ли дорога –
Не верстами надо мерить.
Можно застрячь на любой версте.
Можно тысячу верст пролететь, не заметив.
Главное – вовремя в Москве оказаться,
Чтоб увидеть ее во всей красоте несказанной.

– Первые дни сентября, – подумал Егоров.
В детстве однажды он видел такую картину.
А когда вспоминал, повзрослев,
То порой сомневался –
Может быть, сон он принял за явь?
С детьми нередко бывает.

Город, в садах утопавший,
Стал весь золотым в одночасье,
И купола золотые

Парили над ним.
С верхушки холма,
Что зовется в народе Швиною горкой,
Дети-сироты на это чудо взирали.
– Завтра меня повезут в Петербург, – думал Алеша.
А может, не надо?
Если Небесный Иерусалим
Уже на Москву снизошел.

– Братцы,
Как только подедем поближе к российской границе,
Я вас покину.
Мне нужно в Москву до зарезу.

.....
.....

Десять верст до Смоленска.
Считай, что уже ты в Москве.
Задержаться там, что ли?
С Иваном Великим обняться?
А потом в Академии местной
Почтенный профессор:
– Как я рад этой встрече,
Дражайший месье Егоров!
Кстати, вот моя (средняя? младшая?) дочь.
Разрешите представить.
На зубок все Евангелья знает,
Могла бы служить Вам
Превосходной натурой для Богородиц.

.....

...И служил Иаков за Рахиль...
Но через семь лет я буду совсем старый.
Впрочем, и отец наш Иаков, женясь,
Был не так уж и молод.

...Воронихин, Ангел мой любимый!..
Что я думаю, что о тебе знаю,
Никому не выдам, схороню в сердце.
И тебе самому никогда не подам виду,
Что проник я в твою тайну.

Десять лет тебя испытывал Господь
В горниле страдания, в горниле терпенья.
Мы не патриархи,
Жизнь у нас короткая,
Десять лет для нас – все равно что вечность.
Но ты выстоял, Андрей,
Ты от любви своей не отрекся
И пред Господом ни разу не покривил душою.
И Он тебе воздал. Твой проект храма
Не земные власти утвердили,
А сам Всевышний.
Он же сказал пророку:
Я Господь.
Славы моей не дам чужому.

О, русская речь! Ты слаще итальянской,
Слаще всех на свете!
Ноги размять, пересесть к новому ямщику,
И в Москву без никаких промедлений.

– Барин, тут один мужичок
В Москву просится с нами.
Голос нового ямщика
Вкрадчив и чуть насмешлив.
– Я возьму его, а? Часть пути на запятках проедет.
А другую часть со мной на облучке посидит.

– Зачем же мучиться человеку? Пусть ко мне садится... –
Забормотал Егоров и тут осекся.
А ямщик сверлит его взглядом.
– Ты подумай, барин.

Мужик совсем простой. Чай, не цветами пахнет.

(— Ну что ты меня дразнишь?
Разве не видишь, как я счастлив?
Наконец я дождался этого часа!)

— Вот и до Москвы долетели, —
Говорит Егорушке странник.
А Сергей Радонежский пешком ходил в Нижний и обратно.
И тоже не была ему дорога долгой.

— Преподобного Сергия на всех службах поминают.
Это ж сколько тысяч раз выходит на день
По всему Российскому государству!
А толком про него никогда не расскажут...

— Человек был как человек, — отвечал странник. —
Воду носил, дрова рубил,
Варил кашу.
Когда было из чего варить ее, кашу.
А из сердца своего, из души своей,
Из всей сущности своей
Сотворил Господу свечу неугасимую.
И не допустил ни мысли, ни слова, ни вздоха,
От каких бы пламя той свечи задрожало.
Человеку самому такое не под силу.
Человеку под силу пожелать такого.
Но тому, кто отважится на такое желание,
Господь Бог подаст помощь раньше,
Чем он о ней попросит.

.....
.....

Стали лошади на горе Поклонной.
Посмотрел Егорушка на Москву,
А она вся золотая.
Даже небо над ней позолотилось.
Перевел он взгляд на друга своего,

Спросить боится. А тот смеется:
– Что ты, Егорушка! И не сомневайся.
В Петербурге на Петровом рынке столько товару.
Есть и беспошлинный,
Есть и бесценный.

...До чего у Христа за пазухой надежно!
Четыре года не был, а за жильё Академия платила.
Стану профессором – в самой Академии квартиру дадут.
И чтобы с Мартосом совсем рядом.
Скорей к нему, скорей!
К сердцу прижмет, как родного сына.
Обо всем до мелочей расспросит,
Будет радоваться каждой удаче.

Смотрит Егорушка на Мартосовы окна,
Вспомнил детское личико,
Обращенное в небо.
Да, теперь уже Верочке негоже стоять в окошке.
Совсем большая выросла. Барышня, невеста...

Распахнул Егорушка дверь, идет по коридору.
В окне-фонаре стоит маленький столик.
А у него, отодвинувшись наискосок,
Сидит Вера и в небо смотрит.

Увидав Егорова, она вскочила,
Не удивилась, не обрадовалась,
А словно от глубокого сна очнулась.
– Что, Вера Ивановна, Вы теперь отсюда смотрите?
И отсюда небо хорошо видно.

Девушка согласно кивнула,
Но слов никаких не нашла ответить.
Ангелы Божии Верочку осенили.
Просияло ее личико, как зеркало чистое.
Погляделся в него Егорушка
И увидел свое отраженье.

Часть третья

Глава V

– Алексей Егорович! Это что же творится?
Наши Наполеону страну отдают
Без единого сраженья?

– Это называется
Заманивать противника вглубь территории.

– Алексей Егорович, я простая баба,
Но и я не попалась бы на такую хитрость.
А Наполеон и его генералы
Всю Европу завоевали.

– На простую и они бы не попались
Значит, здесь двойная хитрость,
Если не тройная.

– Стало быть, с ними сговорились? А кто?
– Барклай несомненно. Про других не знаю.
– Царь ведь не может не знать?
– Без царя такого дела не сделать.
В царской власти любого полководца сместить,
Да и голову ему снести.

– Довольно сместить одного Барклая.
– Вы, сударыня, умны не по званию.
В нужное время его и сместят.
Это тоже часть их плана.

– Барклая проклинаяют со всех сторон.
Уже предателем называют открыто.
Когда его сместят, это же будет такой позор!
И он сам добровольно на него идет?

– Господь даровал ему мудрость
Россию спасти.
И мир избавить от Наполеона.

Что для него поношение от людей!

– Вера! Алеша!
Государь Кутузова
Над войском поставил!
Значит, быть сражению!
Господи, спаси нас!
Укрепи и напРАви!
Не отдадим врагу Москвы!
Не отдадим!

(– В Москву войдет, а Москвы не найдет, –
Вспомнилось Егорушке
Слышанное на Петровом рынке.)

– Но сограждане наши себе верны!
Тут молиться надо,
А они бокалы с шампанским поднимают!
– Не убивайся так, Иван Петрович!
Каждый молится как может,
Как научен.
Тост это тоже – какая-никакая молитва.

Шедевр Воронихина раскинул крылья.
Молится
Каждой колонной,
Каждым камнем.
Пророки и апостолы,
Святители и подвижники,
Художники и ваятели,
Их запечатлевшие,
Молятся неумолчно
О идущих на битву.
Молятся вместе с ними,
Молятся вместо них.

Вера Егорова на полу засыпает.
На коленях стоять больше сил нету,
А молиться и во сне можно.

Спит Егорушка, голову на стол уронив.
Видит странный сон:
Выходит он на Красную площадь,
А Василий Блаженный весь белый-белый.
Только купола переливаются,
Как перья райской птицы.
Посмотрел Егорушка направо –
А там громадного роста мужик,
И тоже в белом,
Катком кремлевские стены белой известью покрывает.
– Чему удивляетесь, Алексей Егорович? –
Раздается чей-то знакомый голос,
– Разве вы не знаете, что Кремль
Изначально был белым?

.....

– Алеша, ты не спишь?
Антонида с Петрова рынка всё говорит,
Что Москва однажды
Снова сделается столицей.
Значит, не достанется она Бонапарту?

(– Сколько погибнет!
Сколько на поле Бородинском поляжет!
И за каждого убитого
Семьдесят раз семеро отомстится.
Боже великий!
Целую вечность, что ли,
Им опять убивать друг друга!)

– Сколько вдов и сирот останется, – рыдает Вера.
А калеки! Калеки!
(– Да приидет Царствие Твое!

Да будет воля Твоя
Разорвать эту вечную адскую муку.
Но когда это будет?
Когда же будет?
Времена и сроки Ты один знаешь...)

«...В Москву войдет, а Москвы не найдет...» –
Неужели невидимой станет?..
Пусть что угодно,
Лишь бы опять просияла.
Град на холмах,
Похожий на Рим,
Но прекраснее Рима...
Правда у лжи в заточенье,
В казематах, застенках, темницах.

Христос, истязаемый адом.

Вот прошла неделя, пошла другая...
Почему он не входит в Москву?
Не поймет, чья победа?
Ничья.

.....

Наконец до Петербурга домчалась весть:
Москвичи покидают город.
Все покидают. Все, кто держится на ногах.
Город без жителей – души лишенное тело.

Господи! Только Ты такое мог сделать.
Ты даровал им единое сердце.
И Барклай об этом знал заранее,
И это стало частью его плана.
Господь Бог не делает ничего,

Не открыв рабам Своим Своей тайны.
Господи! Разве Ты не Тот же,
Что во дни пророков?
Разве не раб Твой Барклай?
Раб – это исполняющий
Волю своего господина.

И теперь он входит в Москву,
Безумец,
Не умеющий улыбаться,
Возмечтавший стать владыкой мира,
Загубивший миллионы жизней.
Входит с мясом своих жертв на зубах.

И Москва вспыхнула со всех сторон.
Да, это сделали Ростопчин с Барклаем,
Но это непременно должно было случиться.
Староверка, самосожженка,
Она очищается от скверны.

Петербург, Петербург! С тобой что будет?
Твое великолепие на крови,
На слезах, на столах, на скрежете зубовном.
Отче Господи! Пошли силы
Тем, кто молится за него,
Тем, кто будет за него молиться.

Третий день льет, не переставая.
Нева вздулась.
Господи, пощади! Мы так исстрадались!
Нам не вынести новой напасти.

Темень тьмущая. Если бы выпал снег,

То сделалось бы немного светлее.

О мое римское солнце!

Крепись, Алешка, смирением исполнись,
Ты его не увидишь до самой смерти.

Егорушка входит в Казанский собор.
Тишина. Только свечки потрескивают пред образами.
Тени редких молящихся скользят по стенам.
Священник из ризницы вышел,
Ступает неслышно,
Тишины не хочет нарушить.

Сел Егорушка поближе к своим работам.
Что смотреть? Сделал все, что мог,
Придет время – сделаю лучше.

Женщина пред Спасом свечу зажигает.
Как на жену Воронихина похожа...
Только совсем молодая.
Там, под Лейпцигом, кто у тебя?¹
Муж? Братья?
Все русское войско?
Но до чего на Воронихину похожа.

Псалмопевец сказал –
О как прекрасно,
Когда братья живут все вместе.
Это роса Ермонская на горах Сионских.
Там заповедал Господь
Блаженство и жизнь вечную.

Вот так мы и живем с тобой,
Брат мой, Воронихин!
В двух шагах, за три дома –
И через пропасть.

¹ Битва при Лейпциге (Битва народов) – решающее сражение в разгроме армии Наполеона.

Время, вставшее на дыбы.
Не пришла еще пора жизни вечной.

Так и будем жить до самой смерти –
Церемонные поклоны, рукопожатья...
Но однажды я видел, какими глазами
Ты смотрел на мою работу,
А потом перевел этот взгляд на меня.
И больше мне ничего не надо.

Так на Рафаэлевом портрете
Смотрит Джулио Медичи
На сидящего перед ним Папу¹.
Где и как поймал ты этот взгляд, Рафаэлло?
Не могли же они позировать тебе часами.

Лишь на тебя самого, о мой художник,
Смотрел Джулио с такой любовью.
Твой таинственный брат, успевший тебе открыть
Тайну Преображения Христова
Накануне долгой разлуки перед новой встречей
На горах блаженства и жизни вечной.²
– И всё же, почему он не пошел на Петербург?
(– Вот зловредная девка!
Все ей надо знать, а я отвечать должен.
Я же не стратег! Я учитель рисования.

А ведь страсть как хочется
Самому в этом разобраться.)

Петербург совсем у границы. Подвоз провианта.
Подкрепления.
В случае чего, отступить несложно.
И он не решился на него идти.
Почему?
Только один ответ – побоялся.

¹ Портрет Папы Льва X с кардиналами Джулио Медичи и Луиджи Росси.

² Картина «Преображение», над которой Рафаэль работал до самой смерти, была заказана ему Джулио Медичи – будущим Папой Климентом VII.

Но кого, чего побоялся? –

Моря.

Но не того моря, где хозяйничают англичане,
Они бы все равно не пробились на подмогу нашим,
А того, где владычит подлинный хозяин –
Нептун, Посейдон...

Один дьявол все имена его знает!

Тот самый, что стоит в центре Афинской школы,

Что расселся в подножье ростральных колонн.

И он ничего не отдаст тому, кто завладел сушей,

Кому присягал на верность

В Египте Наполеон.

И будут тягаться они до скончания времени. Господи, сжался!

Избави от них! Да настанет Твой день.

Да придет Царствие Твое.

– Опять, Вера Ивановна, голову ломаем?

Как бы вконец не сломалась.

– А что же мне делать?

Стоять с протянутой рукой на Петровом рынке:

«Люди Божии,

Тем, что знаете, поделитесь!»

– Ладно, снизойду к твоей бедности.

Как сумею – отвечу.

– Хотелось бы знать, что он посулил нашим генералам

В благодарность... В благодарность за то,

Что они его обманут.

– Всё! Всё, что могут возжелать

Триста тридцать третьей степени масоны. И еще больше.

– А какое оно, это всё?

– Всемирная власть. Бессмертие. *Будете как боги.*

То же, что всегда. Ничего нового с тех пор.

– Когда Соня за Григоровича выходила,

Папенька ворчал, что кругом одни масоны,

Не за кого дочек отдавать.

Вряд ли Вася о чем-нибудь таком мечтает.

– У него и степень другая.

Он хотел стать секретарем Академии, он им и стал.

Многие могли бы занять эту должность.

Помощь *избранных братьев* очень тут пригодилась.

Мы, художники, – народ мастеровой.

Для нас первое дело – уменье.

Но и наш брат нередко ради выгодных заказов

В любую ложу вступит, побратается с любой ложью.

– Вот уж, кто не масон – это Теробенёв! – Ну еще бы!

Он бы со смеху лопнул при их ритуалах.

Он великий насмешник. Насмешник не вынесет фальши,

Для него это – как от себя самого отказаться.

А куда же деваться тогда? Зачем тогда жить?

.....
.....

– Но есть же такие, что вступают в ложи

Не ради выгоды, а из сострадания к людям!

Вот Моцарт. Ну какая ему корысть.

Ведь он был Моцарт!

Можно ли к этому хоть что-нибудь прибавить?

А вокруг столько зла! столько бедствий.

Разве с этим справиться в одиночку?

Почему же не откликнуться на призывы братьев

Ради блага ближнего объединиться?

– Верно говоришь, Вера Ивановна.

Многие откликаются на эти призывы с открытым сердцем.

Вот и Моцарт был ими очарован.

Разочароваться не успел. Эти господа его убили.

– Алексей Егорович, ты уверен,

Что все так и было? Что это убийство не легенда?

– Они себя выдали. На кладбище, где нет могилы.

А может быть, наоборот. Устроили так нарочно.

Могущество свое показали.

– Так ненавидеть его! Моцарта! За что?
– За то, что он Моцарт. Именно за это.
– Но это все равно, что его Создателя ненавидеть.
– Завистью дьявола смерть вошла в мир.
Ты Святое писание хорошо знаешь.

Для чего им всемирная власть?
Чтоб этот мир уничтожить?
Моцарта им не создать.
Моцарт сотворен любовью.
Кто его любит, сам становится Моцартом.
В любви двое становятся одним.

– Григорович говорит, что наш президент Строганов
Остался должен казне три миллиона.
И государь его наследнику этот долг простил.
Что ж, для казны это деньги небольшие.
– Строганов изначально был несметно богат,
Все равно оказалось мало.
Он же только и знал, что устраивать празднества,
И свои дворцы, и дачи строил-перестраивал.
А ведь не весть какой масон!
Где же добрые дела? Ну хотя бы для виду!

– А разве празднества и дворцы не добрые дела?
Кто-нибудь посмеет назвать их злыми?
– Мне не смешно, Алеша! Я вижу бедноту.
– Ты видишь. А у них беднотой считаются дворяне,
У которых меньше тысячи крепостных.
Для того, кто сжигает за час пропитание десяти тысяч,
Все эти тысячи и миллионы
Не люди уже, а просто пыль.
Если признать их людьми,
То кто же тогда ты сам?
Сожженный совестью своей.
Помнишь такие слова?

– Все равно эти Демидовы-Строгановы

В роскоши с царями не сравнятся.
Те им тон задают, с них берут пример.
Я часто думаю, зачем царю безумная эта пышность?
Ведь и так все знают, что он царь.
– Да, знают. Но ему от этого не легче.
Эта пышность, эти бесконечные парады
Всего нужней ему самому,
Чтобы верить, что он – царь.

И Строганов не верил, что он Строганов.
Масон-размасон, всю Европу изъездил.
Ему там и Великого магистра поднесли,
И Командора, и римско-имперского графа.
Жаль, что не Юпитера Громовержца.
Мы-то знаем, как в Европе русских богачей любят.
Куда ни ступят, каждый шаг чистым золотом звенит.
А кто им это золото добывает?
Безвестные, бессловесные крепостные.
И кабы не они, что там, что здесь
Никто бы про Строганова и не вспомнил.
И вот ведь судьба! Всю жизнь рядом с ним Воронихин.
Что он думал о нем? Не может быть, чтоб не думал.

– Андрей Никифорович был строгановским крепостным.
Граф отпустил его,
Дал образование, отправил за границу.
Что ни говори, его здесь не в чем упрекнуть.

– Мне ли Строганова упрекать, Верочка!
Нам с твоим отцом он делал только хорошее.
Жил и поступал, как любой бы на его месте.
Мечтал быть кем-то другим, а не самим собой –
Ну что ж, это участь множества людей.
А Воронихин совсем другое дело, другая песня.

– Алексей Егорович, сколько мы с тобой женаты,
Я хочу тебя про него расспросить.
Но уж такая жизнь. То рожаем, то хороним.
То ждем гостей, то сами идем в гости.

– Да, времени ни на что не хватает.
Разве что думать никто не запретил.
– Что тебе про него известно, что неведомо другим?

– Хорошо. Ты жену Воронихина знаешь?
– Мария Федоровна? Она ведь англичанка...
– Отец ее был пастор. Служил при английском посольстве.
Приехал уже вдовцом, с одной маленькой дочкой.
А когда он умер, осталась она круглой сиротой.
И, как понимаешь, без единой копейки.
Строганов и тут выручил, взял ее в дом гувернанткой.
Она еще изрядной чертежницей оказалась.
И тут из-за границы Воронихин вернулся.
Там революция началась, и всем русским
Было велено домой возвращаться.
У Строганова, как всегда, постройки-перестройки.
Свой архитектор, своя чертежница.
Через некоторое время стало известно,
Что Воронихин хочет на мисс Лонд жениться.
А потом узнали, что свадьба откладывается,
Поскольку оказалось, что невеста *не той веры*,
И ей надо принять православное крещение.

– А что тут такого? – прошептала Вера.
– Для них ничего, – отвечал Егоров, –
Для них это порядок заведенный.
Когда великокняжеские жены на Русь прибывают,
Их всех торжественно крестят.
Они до того рады!
Небось первый раз
О Господе и Христе Его услышали.

В общем, Мэри Лонд заново креститься не стала.
А Воронихин пошел по важным духовным лицам
Раздобывать необходимые бумаги.
Выяснилось, что английская вера, в отличие от немецкой,
Насколько-то там ближе к русской.
Словом, старик Вольтер остался бы очень доволен.
Но ведь разности эти линейкой не измерить,

На весах не взвесить.
А дело архиважное, ошибку допустить опасно.
Стали комиссии собирать. Одну, другую.
И всякий раз найдется мудрец,
Чье особое мнение обойти невозможно.
И снова куча бумаг, и снова ждать,
Пока еще одна комиссия соберется.
И продолжалось это десять лет.

– Что-о? Этого не может быть, Алеша.
Десять лет – это целая жизнь. –
Вера залилась слезами.
– Через десять лет разрешение было дано,
И они обвенчались.
– Десять лет! Какая жестокость! Какая жестокость!
– Да, церковные чины прекрасно понимали,
Что они над Воронихиным глумятся.
Но все равно ускорить это дело
Было не в их власти.
Это дело было в руках Того,
Кто Андрею и Марии это испытание назначил.
И они его выдержали.
Казанский собор тому свидетель.

Ах, Терebenь! Ты меня покидаешь... Детушек своих малых
Сиротами оставляешь.
Умираешь.

– Вычерпал я до дна весь смех, Алеша.
В царстве Аракчеева смеяться нельзя.
Нечем.
Празднуй, царь Александр, победу над русским народом.
Празднуй победу над Ванькой Терebenёвым.

– Можешь думать, что это бред, все равно я скажу, что знаю.
Их не двое. Аракчеев это он сам.
Оттого они так иступлено любят друг друга.
Он ведь в жизни никого не любил.

Он весь род людской ненавидит.

Застонал Егорушка. Вспомнил свои встречи с Александром.
Глаза бегают, фальшивая улыбка с лица не сходит.
Искренних рядом нет, одни льстецы. А сам
Заискивает перед каждым. Егорушка содрогнулся
От жалости и отвращения.

– Ты же знаешь, Аракчеев на горле носит
Здоровенный портрет Александра.
Это личина. Она сползла с его рожи
И зацепилась, на шее повисла.

А рожа какая! Мы художники...
В природе таких уродов не бывает.
Это слепок императорской души.

У Аракчеева есть любовница из крепостных девок.
Сколько она до смерти замучила...
Сколько искалечила...
Император порой к ним заезжает,
И они пируют втроем...

Сейчас все больше таких,
Кто хотел бы от них избавиться.
Но пока что у них не выйдет.
Я все посчитал...
Они еще долго... долго...
А сто лет никто из нас не проживет.

Наводнение 1824 года

Есть широкая лодка и в ней весла.
Руки есть, и в руках богатырская сила.
Господи! Я ли Твоих утопающих брошу!
Я ли не приду им на помощь!

– Опомнись! Туда уже брошены все войска!
Весь гарнизон Петербурга.
– Господи! Я ли не Твой воин!

.....

Божья кара вершится над нашим городом грешным.
Городом, от колыбели взыскавшем
Падших земных богов.
Городом, хитро платящем дань
Двум враждебным стихиям.
Обе стихии смешались. Вода пожирает живых.
Земля изрыгает мертвых.

Сколько погибнет! Сколько живых
Умершим завидовать будет!
Скорая гибель в волнах,
А за ней долгая гибель на суше.

Плывет Егорушка по морю страданья.
Каждым взмахом весла
Молится: – Господи, сжался!
Лодку швыряет. За ливнем и ветром дышать все труднее...
Только бы руки не сдали.

Все слезы, пролитые от сотворения мира,
Сгустились в тяжелые тучи
И рухнули в устье Невы.
И стоны несчетных страдальцев
Слились в завывание бури.
Но каждая жалоба рвется из общего хора
И хочет оплакать опять и опять земное свое житьё.
И Ева рыдает:
– О где ты, сыночек мой, Каин!
Отзовись, отзовись, мое горе,
Мученье мое!

.....

Стихает. Все же стихает. И вдалеке
Такая же лодка мелькнула. Вторая... Третья...
Нас много, Господи, и Ты пребываешь с нами.
Двое и трое верных тебе
Тысяче тысяч равны.

.....

Солдатики всплыли. Течением их уносит.
Видать, перестарались. Перегрузили лодейку.
Кончилась, милые, ваша нелегкая служба.
Не слышать вам больше офицерской брани.
Не гонять сквозь строй своих братьев.
Не изнывать от страха, что самих вот так же погонят.

Плывет Егорушка против течения,
Навстречу ему гребец усталый,
А тому в спину
Уже несутся огромные бревна.
Как закричит Егорушка:
– Яков! Яков! Направо забирай, направо!

Тот увернулся, посмотрел на Егорушку,
Покивал ему, поплыл дальше.
– Так он и в самом деле Яков?
Да это же актер Яков Брянский.
Я его как-то
У Григоровича видел.

На другой день ударили морозы.

Глава VI

Что стряслось?
Шушукаются по углам... Глаза отводят...
Опять что ли царя убили?

– Вы еще не знаете, Алексей Егорович?
Аракчеевскую любовницу мужики зарезали.
Страшно подумать, что он теперь станет вытворять.
Всем достанется на орехи.

.....

Лютая баба. Царёва побратимка.
Ну все, кончилось твое время, Александр Павлович.
Убьют ли тебя, сам ли помрешь, не знаю.
Не моего ума это дело.
Но веку твоему конец.
Жить будем теперь по-другому.
Вряд ли заживем хорошо.
С какой стати?
Но по-старому уже не будет.
Не будет *обожаемого монарха*.
Батюшек-матушек отправят куда надо.

А потом все своим чередом завертелось.
Занятия полным ходом. Заказы и заказы.
Семья требует забот...

И вдруг объявляют,
Что государь серьезно занемог в Таганроге.
Ясное дело, отравили.
Иначе бы такого шума поднимать не стали.
Отравили и всю молебны о здравии служат.
Господи, как ты нас терпишь?

Наконец сообщили, что царь умер.
Через две недели было восстание на Сенатской площади.
Революция началась.

И теперь живем по-другому.
Хуже или лучше?
Хуже, конечно, *по грехом нашим*.
Ан по-другому.
Император народа боится до жути.

Чем больше боится, тем сильнее ненавидит.
И мучает все сильнее.
А в народе страх идет на убыль.
Что ты можешь придумать сверх смерти, император?
Мы что, раньше про нее не слыхали?
Те, что сосланы в сибирские рудники
И в кандалах долбят землю,
Подарили нашей душе такое,
Что ты вовек не отнимешь.
Если в душу проникла любовь,
Душа прикоснулась к бессмертью.

.....

Почему он всех не казнил?
Кто ему помешал?
Кого испугался? –
Французов, головы положивших
Во имя равенства и братства.
Отдавший жизнь за *ближних своя*
Не умирает, а только делается сильнее.

Тридцать лет прошло, мир два раза перевернулся,
А парижский трон, сколоченный чужими руками,
Вовсю трещит,
И треск его хорошо в Петербурге слышен.
А как же иначе? Вся Европа даже не одно село,
Один большой дом деревянный.
Завалится какой-то угол –
Весь дом ходуном ходит.
Да разве Франция далеко? Она же прямо здесь.
В Москве-Петербурге вся прислуга говорит по-французски.
Новые книги к нам доходят быстрее,
Чем куда-нибудь в Марсель.
А сколько тут французов!
Ромм, член Конвента, казнившего короля,
А потом сам казненный,
Много лет здесь прожил,
Воронихину был близким другом.

Взял его с собой, покидая Россию.
Каково тебе было, Андрей Никифорович,
Услышать о его казни!
Женщины, что на каторгу пошли за своими мужьями...
И среди них француженки.
О эти женщины!
Ты не посмел им запретить, император.
Они смутили тебя. Они торжествуют над тобой.
Упивайся своей ненавистью сколько угодно,
Хоть захлебнись в ней.
Она бессильна против любви.

.....
.....

– Во Франции опять революция, дети!
– Папенька, она уже кончилась.
Вот свежая газета!
Королевские части покидают Париж.
Читай – бегут.
– Чему ты веселишься, Вера?
Тому, что кровь пролилась и еще прольется?
– Бог даст, они договорятся, Иван Петрович.
Они пострадали от самих себя.
Они еще не скоро это забудут.

– Там было такое, чего я не забуду до самой смерти.
Добро, она уже не за горами.

Я знал необыкновенного человека.
Строганов привез его в Петербург
Из своих путешествий.
– Ромм! Я его видел.
Его забыть невозможно.

– Где ты мог его видеть, Алеша?
Тебе было лет десять, когда он вернулся во Францию.
– Наверно тогда.
Нас повезли на Строгановскую дачу
Писать ландшафт. И к нам подошли двое.

Через много лет я догадался,
Что один из них был Воронихин.
А я не мог оторвать глаз от другого:
Подобных ему я больше никогда не видел.
– И я тоже.
– Сквозь него смотрел Древний Рим,
Живой и страстный.
Он сказал нашему учителю: «Этот мальчик-татарин
Далеко пойдет».
Я сделал вид, что не понимаю по-французски.
А когда они ушли, учитель сказал мне:
«Это был господин Ромм. Он большой ученый».
– Он ведь был атеист...
(Егорушка развел руками).
Я привык, что все наше дурачье – вольтерьянцы.
И про него поначалу думал,
Что он вольтерьянец.
А потом оказалось, что Вольтера с его насмешками
Там и в помине нет.
А есть совсем другое.
Я в то время помногу работал у Строганова.
Но в застольных беседах никогда с Роммом не спорил.
Я смотрел на него.
Все правильно. Это был Древний Рим.
Древнейший.
Слыхом не слыхавший про Петра и Павла.
Мог ли я прокричаться через столько веков!

– Папенька, то, что он видел здесь,
Еще меньше похоже на учение Петра и Павла.

– Я не посмею осудить ни его, ни его товарищей.
Они жаждали справедливости
И брались воцарить ее своими руками.
Но кончилось это страшно...
– Иван Петрович,
В нашем мире всегда казнят тех,
Кто жаждет справедливости.
И они к этому привыкли.

– Ах, Алеша, ты не все знаешь.
Их было пятеро во главе с Роммом.
Их приговорили к гильотине.
Но эти гордые римляне
Не захотели отдать врагу свои головы.
Им удалось пронести в камеру огромный кинжал,
И Ромм первый вонзил его в свое сердце.
– И Воронихин про это знал?
– Ну, если я об этом знаю!

Глава VII

Залы Академии в торжественном убранстве.
А народу сколько!
Здесь такого еще не видали.
Пушкина чествуют –
Нашу гордость, нашу славу!
Он поставил нас подлинно вровень со всей Европой!
(– Выше! Выше!)
Не чужих стали ждать откровений –
Его песнопений.
Наша душная жизнь в ожидании смерти
Переплавилась в песню
И над прахом земным поднялась.
И все это он, Пушкин!
Все, кто Пушкина любят,
Друг другу родные. Семья наша крепнет!
Над Пушкиным время не властно.
Над нашей семьей, над нашей любовью,
Над нами не властно.

Пушкина славят. Но не живого, убитого.
С маски посмертной прекрасные сделаны бюсты.
Вся Академия, публика вся
В полном восторге.

.....

– Этот юный Терebenёв –
Он не сын ли карикатуриста?
– Да, покойный Иван мог бы им гордиться.
И великий Мартос был бы им доволен.
Ведь он женат на его внучке.

.....

– Да, Терebenёв, бесспорно, лучше всех.
– Он, кстати, на внучке Мартоса женат.
Наследник.
– А кто ее отец?
– Профессор Егоров.
– Припоминаю. Но что-то о нем ничего не слышно.
Здесь, в Академии, его ценят безмерно.
Величают не иначе, чем русским Рафаэлем.
Но он своеобразен.
На светские темы не пишет совсем,
Все только для церкви.
В выставках почти не участвует.
Портрета у него не выпросишь.

.....

Сидит Егорушка в сторонке.
Сжал кулаки, тяжело дышит.
– Николай Романов, нет тебе прощенья.
Ты выстрелил народу в самое сердце.
Каждого из нас лишил божественного дара.
Захотел обратить в бессловесных тварей.
Господи! Что же это происходит?
Они нас побеждают, а мы перед ними головы клоним.

Не буду больше им кланяться,
Пусть этот истукан делает со мной, что хочет.
Господи! Я знаю, что все это сон,
Но когда он прервется?
Когда проснемся.

Вон Вера Ивановна сияет от счастья.
Еще бы! У Саши такой успех!
Митю¹ вчера в полковники произвели,
Быть Надюшке генеральшей.
У Сони свадьба назначена.
Евдокимушка уже из глины зверушек лепит.
Не жизнь, а золотой дождь.

Вечером Егоров сказал жене:
– Нашу маленькую Веру Алексеевну
Надобно непременно пристроить замуж,
Покуда я в чинах и при деньгах.

Совет Академии строго по регламенту заседает.
Повестка дня всегда известна заранее.
Только в этот раз президент Оленин
Чаще обычного покашливает,
Никак не может в своем кресле удобно устроиться.
Присутствующие с пониманием насмешливо кивают.
– Ну мало ли какая хворь на человека напала,
Все же возраст изрядный, об этом забывать не надо.

Наконец переходят к деликатному вопросу.
Император захотел поднести кому-то из своих клевретов,
То ли ко дню рождения, то ли к именинам,
Звание академика. А регламент изменить не успели.
И поэтому, хочешь не хочешь,
Приходится объявлять общее голосование.

Академики покашливали, подвигали каждый свое кресло.
И тут раздается голос Алексея Егоровича:
– А какие у этого господина заслуги перед искусством?

Несчастный Оленин не сразу обрел дар речи.

¹ Митя – Дмитрий Булгаков, военный инженер, муж старшей дочери Егорова – Надежды.

А потом выдавил:

– Он к особе императора близок.

– Ну, тогда и государева кучера надо академиком выбрать.

Он к особе императора еще ближе.

Вера Ивановна от лишних вещей избавляется.

Готовится к скорой расправе и переезду.

Егорушка посмеивается.

Николай, конечно, глуп,

Но не настолько,

Чтобы позориться в открытую.

Непременно выждет,

Чтобы все про Егоровскую выходку забыли.

А вот тогда им займется,

Вот тогда потешит свою душу.

.....

Целых шесть месяцев прошло, целых полгода.

Вновь отстроенный храм Измайловского полка

Готовится к освящению.

За неделю приезжает с инспекцией император:

– Кто писал образа?

– Профессор Егоров.

– Что за мазня, какая бездарность,

Им тут не место, заменить немедля!

Бедные попы за головы похватались.

Освящение должно быть в престольный праздник.

Календарь, что ли, переправить?

Отыскали где-то подобные образа.

Но они же из рук вон. И размером не подходят.

И пришлось Николаю идти на попятный,

Получил он от Егорушки еще одну оплеуху.

.....

Выполняет Егорушка заказ для Царскосельской церкви.

Торопиться не торопится – все равно не дадут закончить.

И вот тут Николай Павлович вовремя поспел
И учинил все честь по чести.
Был признан Алексей Егоров художником никуда не годным
И совершенно не способным к преподаванию.
От всех должностей увольнялся,
Изгонялся с казенной квартиры.
Полученный аванс приказано было вернуть.
Пенсии, так и быть, не лишили.

Вся Академия в трауре.
Егорушка, понятное дело, тоже ходит с постной миной.
Но с графом Толстым¹ прощался,
Не утерпел, улыбнулся во всю ширь
И проговорил тихонько:
– Блаженны изгнанные за правду.

Глава VIII

Из тесноты воззвал к тебе я, Господи!
И Ты ответил мне. Ты вывел меня на простор.
Я свободен.
Свободен, как воздух, что меня к Тебе возносит.
И этот сияющий залив,
И весь этот город несказанный
Возносится вместе со мной.

Прежде Егорушка все закатами любовался.
А теперь его больше радуют рассветы.
Может, скоро рассвет?
Сколько ночи, кричат мне с Сеира...
Тысяча лет как один день.
И день как тысяча лет.

Корабль покидает гавань, выходит в открытое море.
С каждым мигом он все прекрасней.
Уже паруса налились ветром.

¹ *Граф Толстой* – художник Федор Петрович Толстой, вице-президент Академии художеств.

Еще немного, и во всей красе
Он канет за горизонтом,
Исчезнет из глаз.
Где бросишь якорь? Где ждут тебя с замиранием сердца?

Вот так душа паруса поднимает, исполняется силой
Перед тем, как продолжить свой путь
В океане бессмертной жизни.

Долго я здесь прожил, и не пришлось ни разу
О самом себе печалиться.
Но где граница
Между мной и другими?
Егорушка по городу бродит...
А город все спит и плачет во сне.
Я не в силах его утешить.

.....

Не переводятся у Егорушки ученики
(Лишняя копейка не помешает.
Всегда найдется, кому отдать).
Учить других рисованию – блаженство.
Рисунок та же точная наука.
Толковый учитель и прилежный ученик –
Вот и все, что нужно, чтобы овладеть ею.

А это любимый ученик
Евдоким Егоров.
Все необходимое приобрел задолго до рожденья.
Много ему проку в моих занятиях!
Главного не передашь
Ни сыну родному, ни горьким сиротам,
Что плачут и плачут вокруг.
– Я затворю, и никто не откроет, – говорит Господь. –
Я отворю, и никто не затворит.
Жизни бессмертной алкать только тот может,
Кто уже ею живет.
Кто имеет ее в себе.

Господи Боже, как же с нами такое случилось!
Вечная жизнь – это Ты.
Но мы о ней не мечтаем.
Просим о хлебе. О чем еще просит голодный?
Просим, чтобы без лишних страданий
Навеки в могилу сойти.
Егорушка вспомнил, как Павел Мочалов¹ рыдал на сцене:
– О какие же сны в том смертном сне приснятся?
Господи, что же случилось с нами?
Вечную жизнь променяли на вечную смерть.
Бродит Егорушка городом, а они все плачут.
Господи мой, какво Тебе это слышать?
Ты всемогущ и всеведущ. Ты знаешь их сердце.
Разве здесь мало таких, кто готов
Последним куском поделиться!

.....

Вечер. А Евдокимка все с работой расстаться не может.
Все тонюсенькой кисточкой водит.
Подошел Егорушка к сыну, по голове погладил.
Поднял глаза,
А в окошке ангелы.
Машут ему приветно, показывают, что заждались.

– Зови всех сюда, Евдоким, – сказал Егоров.
А потом уселся в кресло и сказал на прощание:
– Вот и догорела моя свеча.

¹ Павел Мочалов – великий русский трагик. Прославился в роли Гамлета.

Эпилог

Спит Егорушка в материнских объятьях.
Святой Дух его лелеет.
Святой Дух его утешает.
– Не хочу утешенья,
Не могу я вытерпеть этой муки.
К ним! К ним! Хочу быть с ними!
О как жестоко они страдают!

Город мой! Столько раз проклятый,
Столько раз воспетый.
Город, в котором я был так счастлив.
Город любимый! О что же ты терпишь!
О какое тебе послано испытание!

Пасть на поле битвы не страшно.
Умереть от голодной слабости не так уж трудно.
Но каково сражаться с собственной смертью
Ради того, чтобы жили другие.

Молится Егорушка над каждым куском хлеба.
Молится над каждым ленинградцем.
Слабеющими руками они куют оружие.
Женщины ночью и днем стоят наравне с мужчинами,
Дети,
Чтобы сберечь силы,
Остаются спать подле станков.

Страшнее всего – срок.
Назначенный срок. Неполных три года.
Господи, сократи!!
День, как тысяча лет.
Это целая вечность.
Вот она, вечная мука в аду.
Есть из нее выход –
Бегство под своды небытия.
Но любовь не дает это сделать.
Те, кто вблизи. Те, кто вдали.

Те, кто еще не родился...
О как же их сладко любить!

Жили себе и не знали, что за слово такое *блокада*.
А это стена, окружившая нас,
Из подлости нашей и лжи.
Строили тысячи лет и однажды проснулись
Там, где не было Бога и нет.
Какая тут вечная жизнь!
И надежда только одна – на эти иссохшие руки.
Но если любовь разгорелась – что может ее угасить?
О Боже, они ведь не ждут
Ни памяти, ни награды.
Любовь – это Ты. И они пребывают в Тебе.
Те, что родятся потом,
О как они будут прекрасны!
Они будут достойны Тебя,
Ради них можно вытерпеть все!

Крики на улицах, музыка,
Гремят орудийные залпы.
Наши прорвали блокаду!
Победа! Победа!